

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА
КОЛМОГороВА

ЧУЖИЕ МОИ ДЕТИ

16+

Наталья Ивановна Колмогорова

Чужие мои дети. 16+

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42571387

ISBN 9785449652034

Аннотация

Книга «Чужие мои дети» – о непростых судьбах детей и подростков, попавших в детский дом; о непростых отношениях внутри коллектива. Смогут ли детдомовские дети когда-нибудь найти себя в этой жизни, обрести счастье? О материнском инстинкте, родительском долге и семейном счастье расскажет книга «Чужие мои дети».

Содержание

ЧУЖИЕ МОИ ДЕТИ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Чужие мои дети

16+

Наталья Ивановна
Колмогорова

© Наталья Ивановна Колмогорова, 2019

ISBN 978-5-4496-5203-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧУЖИЕ МОИ ДЕТИ

Ей совершенно не подходит имя «Светлана», всё остальное удивительно гармонично – тонкая кость, узкая талия. Одета сдержанно, но со вкусом: чёрный, тонкого трикотажа, джемпер; на высоких бёдрах – серая, словно влитая, юбка; лакированные туфли на изящно вылепленных ножках...

Светлана Ибрагимовна кивнула на стул, красивым отточенным движением поправила чёрную прядь волос. Золотой браслет, скрученный ажурной змейкой, мелькнул на тонком запястье во всём своём великолепии и вновь скрылся в рукаве джемпера.

Мои знакомые «Светы», все как одна – и белокожи, и светловолосы, и нрав имеют лёгкий, весёлый. Но Светлана Ибрагимовна другого поля ягода: кожа смуглая, на высоких скулах – лёгкий персиковый румянец; глаза, яркие, как спелая вишня, по-восточному вытянуты к вискам.

Тонкий аромат духов – терпкий, удушающий, как южная ночь, кажется, проник в каждый уголок её небольшого, но со вкусом обставленного кабинета.

– У вас есть опыт работы в Детском доме?

– Увы, нет.

Светлана Ибрагимовна взглянула оценивающе, выдержала небольшую паузу:

– Вы мне подходите. Отправляйтесь в отдел кадров,

и с завтрашнего дня можете приступить к работе.

Директриса улыбнулась уголками красивого рта:

– Надеюсь, мы с вами найдём общий язык.

Я пролепетала «спасибо» и тихо прикрыла дверь.

...

Холодный ветер неистово трепал полы моего пальто и на свой манер укладывал стрижку светло-русых волос. Модную укладку я сделала в салоне красоты, без сожаления избавившись от надоевшего, стянутого тугой резинкой, хвоста.

Правда, Пашка за этот опрометчивый поступок отругал, ну да ладно, переживу как-нибудь!

Ледяными пальцами давлю на кнопку домофона, стучу сапожками друг о друга, совершенно не чувствуя ног и жду, пока Пашка откроет дверь.

– Наконец-то! Потеряшка нашлась!.. Почему до тебя сегодня не дозвониться?

– Ка-ка-жется, т-телефон от холода разрядился, – губы не хотят меня слушаться. – Ты обедал?

– Только что... Ну, рассказывай, густо или пусто?

Я прошла на кухню.

– Замёрзла – ужас! Налей, пожалуйста, супа.

Пашка орудует половником так неловко, словно впервые держит в руках. Это и понятно – руки у него привыкли к топору, пиле и всяческого рода железякам.

– В общем, поплутать пришлось изрядно, пока нашла этот

Детский дом.

– Почему?

– Оказалось, он находится внутри дворов и подворотен.

Горячий суп обжёг нёбо, тёплой волной опустился ниже...

Только сейчас почувствовала, как сильно проголодалась.

– Когда на работу?

– Завтра.

– Уже завтра?

Пашка присвистнул, поскрёб тёмную щетину на подбородке:

– А как там начальство, обстановочка?

– Нормально.

– Слушай, мышь, сдаётся мне, ты чего-то не договариваешь.

Если муж называет меня «мышью», значит сильно сомневается в правдивости сказанного.

– Ну, что ещё рассказать... Здание двухэтажное, со всех сторон огорожено так, что комар не пролетит. Внутри чисто, фотографии детей на стенах, ковровые дорожки... В общем, уютно.

– А что – не так? – не отставал Пашка.

– Паш, ну чего ты привязался, а?

– Потому что энтузиазма в голосе – ноль.

– Директрису зовут Светлана Ибрагимовна, на вид – тридцать семь... сорок лет.

– ... и она похожа на старуху Изергиль!

Пашка сделал страшное лицо.

– Ничуть. Она – красotka!

– Ничего себе!

– Ага, царские манеры, золото и всё такое. Рядом с ней чувствуешь себя этаким гадким утёнком... Чувство дискомфорта такое же ощутимое, как эта осень за окном... Директриса явно подавляет собеседника своим превосходством.

– Юль, может ты, как обычно, всё усложняешь?

– Ничего не усложняю! – Я фыркнула и встала из-за стола.

Пашка, в отличие от меня, слеплен из другого теста: он самонадеян, хамоват, в меру упитан и непрошибаем, как скала. Крупная голова, крупные руки – он словно монолит, без трещинки и изъяна; упрям и горяч, словно кипящий самовар, но отходчив, а иногда даже сентиментален. При верном подходе из Пашки можно вить верёвки.

...

В город мы переехали всего пару недель назад...

Деревенское захолустье, с покосившимися заборами, позеленевшими от времени шиферными крышами, осталось в зоне тёплых, но призрачных воспоминаний. Мы с мужем начинали новую жизнь!

Снятая в кирпичном трёхэтажном доме квартира встретила нас чужим застоявшимся запахом: старых обоев, пыльного, не первой свежести паласа, тяжёлых от скопившейся паутины и времени плюшевых штор с проплешинами.

Мебель «а ля семидесятые», хотя и добротная, но тяжеловесная, заполнила собой все углы, простенки и проходы.

Хозяин, сдавший нам квартиру, отдал Пашке большой железный ключ со словами:

– Ребята, живите, сколько хотите. Можете даже косметический ремонт сделать – я не обижусь!

И, довольный собственной шуткой, загоготал на весь подъезд.

– Ага, щас! Ремонт мы ему сделаем, нашёл дураков. Отмоем квартиру, и ладно. Правда, Юль?

Лишних денег на ремонт у нас, естественно, не было – все сбережения съел переезд.

...

Пашка быстро нашёл работу – устроился на АвтоВаз в покрасочный цех, мне же пришлось побегать. Учебный год в школах уже начался, и вакансии для меня светили не радужные: продавец в магазин, страховщик имущества, техничка в кинотеатр... Ничего более подходящего в колонке «Работа» местные газеты не предлагали.

И вдруг такая удача – нужен педагог в Детский дом!

– Паш, может, тебе на завтра котлет пожарить?

В ответ на свой вопрос я услышала возгласы футбольного комментатора:

– Пас, ещё пас! Мяч на фланге. Навес и удар с головы! Выше ворот. Мяч у испанцев.

Всё ясно – Пашка смотрит свой любимый футбол...

Я вздохнула, выбрала самую большую луковицу и выверенным до миллиметра движением нарубила сочную луковичную мякоть. Слезы не заставили себя долго ждать – два солёных ручейка, обгоняя друг друга, быстро побежали

по щекам, оставляя мокрый след.

...

Первое утро рабочего дня...

Я трясусь, будто осиновый лист под порывами ветра; в горле от волнения пересохло; я не знаю, что говорить, как себя вести, что делать. Чувствую, как загораются щёки, как сильно колотится сердце.

Несколько пар детских глаз смотрят испытующе и, как мне кажется, с долей насмешки.

– Здравствуйте, меня зовут Юлия Ивановна.

– Я – Дима.

– А я – Саша.

Дима и Саша... Саша или Дима? Как не перепутать мальчишек, похожих, как две капли воды? Оба стрижены под «ноль», отчего уши кажутся сильно оттопыренными, а головы на тонких мальчишеских шеях – крупными, как созревшие арбузы.

Даже носами шмыгают одновременно, и щурятся одинаково близоруко.

– Вы, что ли, наш новый «пи-да-гог»?

Смазливая девочка по имени Оля картинно дёргает плечиком, смотрит на меня вызывающе, с усмешкой.

Именно «пи-да-гог», через букву «и» – пренебрежительно, с насмешкой.

Я смотрю на стрелки настенных часов – они словно застыли на отметке «семь часов десять минут»... Как же долго тя-

нется время! Каждая секунда – длинною в минуту, каждая минута – длинною в час... Девять детских душ, девять разных судеб и характеров, за каждую из которых я отвечаю перед государством и своей совестью...

Мне страшно до ужаса! Я боюсь показаться нелепой, смешной, неуклюжей.

А что, если я не смогу наладить с детьми контакт? Тогда меня уволят... нет, выгонят с позором! Лучше бы я устроилась на работу в магазин – торговать цветами или женскими сумками...

Щёлкают замки портфелей, хлопают двери туалета, журчит в кране вода – дети собираются в школу.

Я чувствую себя бабочкой, усевшейся на взведённый курок – одно неосторожное движение, и грянет выстрел. Я чувствую себя солдатом, шагнувшим на минное поле...

А ещё я чувствую себя ужасной трусихой!

...

– Паша, что мне надеть?

– Думаю, деловой костюм.

– Ага, приду такая вся – строгая училка! Нет, костюм я точно не надену.

– Ну, тогда иди в домашнем халате! – Пашка надо мной смеётся, и даже этого не скрывает. – Юль, что ты так переживаешь? Будь смелее, и всё будет хорошо.

– Тебе легко говорить...

Я долго стою перед раскрытым шкафом, не решаясь сде-

лать окончательный выбор. И – как в воду с обрыва! – выбираю то, к чему сама собой потянулась рука, к яркой блузе и джинсам.

– От начальства за самодеятельность не влетит? – Пашка смерил меня оценивающим взглядом.

– Но зато детям понравится – они не жалуют «тётенек в футляре» и «синих чулков».

– Ладно, собирайся быстрее, училка, а то опоздаем.

...

– А вы – ничего себе, – цинично процедил отрок лет примерно двенадцати, смерив меня взглядом с головы до ног.

– Спасибо, – я осторожно улыбнулась, готовая к любому подвоху.

– Я – Миша, – отрок хотел протянуть ладонь, но в последний момент почему-то передумал. Я без стеснения разглядываю мальчишку... Он, словно конструктор, собран из мелких деталей: мелкие зубы, мелкие черты лица, худое телосложение, маленький рост.

– Не бойтесь, Юливанна, мы вас прямо в школу доставим. Вы без нас – никуда!

– Очень на вас надеюсь.

Мишка откровенно скалится...

Он черняв, смазлив, а над верхней губой пробиваются едва заметные усики.

– Вы не городская, да... По вас сразу заметно.

Мишка смотрит хитро, прищурив чёрные, словно масли-

ны, глаза.

– А как ты догадался?

– Я же вырос в городе, много чего повидал... А вы откуда приехали?

– Обязательно расскажу, только чуть позже.

– Замётано!

...

Хмурое утро осеннего дня и такие же несолнечные, недобольные лица у детей.

Улыбается только Мишка, и я хватаюсь за его улыбку, как утопающий – за соломинку.

– Ну что, ребята, все готовы? Тогда спускаемся вниз.

– Без сопливых обойдёмся, – какой-то мальчишка, задев плечом и взглянув искоса, обгоняет меня, лихо съезжая по перилам лестницы на первый этаж. Дерзкого мальчишку, как выяснится позже, зовут Митькой, и у него прогрессирующее косоглазие, а ещё – дерзкий характер.

...

Город просыпался трудно, словно больной – после наркотического сна.

По мокрому асфальту катили автомобили, разбрызгивая грязную взвесь, а небо сыпало такой мелкой сыростью, будто предварительно пропускало дождь через чайное ситечко.

Подъехавший троллейбус, лязгая дверьми, засосал в дрожащее и булькающее от напряжения чрево и меня, и моих закоченевших детдомовцев.

Я вымерзла окончательно, без остатка, от этого холодного утра, от состояния безысходности и потерянности в большом городе точно так же, как неприкаянные полусонные дети.

Господи, что я здесь делаю, куда везу этих несчастных полусонных детей? А вдруг кто-то из них выпрыгнет на следующей остановке – и ищи ветра в поле? А мне – тюрьма? Я же их по именам толком не помню!

– Юливанна, приехали, остановка «Школа». – Самая высокая девочка среди всех остальных осторожно касается моей руки.

– Ой, спасибо... м-мм...

– Гуля, я – Гуля.

У Гули – красиво очерченный рот и беззащитный, словно у газели, взгляд. И вся она словно газель – тонконогая, стремительная и в то же время пугливая, с копной чёрных густых волос.

Дети выпархивают из троллейбуса и дружной стайкой летят в направлении школы, я стараюсь не отставать. Кто кого сегодня сопровождает – непонятно, то ли я детей, или они – меня...

– Предъявите ваш пропуск, – пожилой охранник бдителен и корректен.

Едва взглянув на мой документ, кивает «проходите и ждите вон там, дальше – не положено».

Звенит звонок на урок, раздевалка и школьный коридор пустеют, а я обречённо опускаюсь на лавку подле окна.

...

– Юлия Ведерникова, поясните нам значение слова «педагог».

– Педагог – это раб, сопровождающий ребёнка в афинском семействе.

– Верно. А теперь перечислите основные педагогические принципы Антона Макаренко.

– Основы педагогики Макаренко – это воспитание детей в коллективе, а коллектив – это совокупность людей, основанная на следующих принципах:

общая цель, общая деятельность, дисциплина...

– Садитесь, Ведерникова, «хорошо».

Передо мной никогда не стоял вопрос «кем быть?», потому что с семи лет, как только пошла в школу, определилась в выборе профессии.

Закончив педагогический ВУЗ, я поняла, что слово «педагог» обрело для меня несколько иное звучание: в первую очередь, это – друг, наставник, пример для подражания...

Мои мысли прерывает бегущий по коридору Димка (или Сашка?). Запыхавшись, он шепчет в ухо:

– Юливанна, у вас есть бумажка? Живот скрутило.

Я роюсь в сумочке... Нет, всё-таки определение «педагог – это раб» отчасти верное.

...

Звонок с последнего урока рассыпается по всем этажам

радостным эхом.

Топот... смех... визг... крики «ура»... суматоха! Дети вылетают из школьных классов шумными стайками, обгоняя друг друга, устремляются в раздевалку. Конец мучениям и нудным урокам, да здравствует свобода!

Мишка догоняет самую тихую в группе девочку Надю, шлёпает ладонью ниже спины.

– Дурак! – обижается Надя.

Митька, освобождая путь к вешалке, размахивает портфелем, описывая полукруг – «эй, поберегись, не то зашибу!»

Гуля, перебирая газельими ножками, плывёт по коридору, гордо и красиво.

А этот нескладный мальчик?.. Витя или Ваня?.. Точно, Ваня! Держится всё время от меня подальше. Он чем-то напоминает хорька – такие же заострённые черты лица, глаза не глаза – щёлки. Взгляд у Вани неуловимый, коснётся моего – и тут же ускользнёт.

Подгоняя друг друга, вываливаемся на широкое школьное крыльцо. Я вздыхаю с облегчением: все целы и невредимы, никто не пропал, не потерялся, не сбежал...

– Ну, хвалитесь, у кого сегодня удачный день? Двоек много нахватили?

– Нормальный день, как обычно, – солидно говорит Митька.

– Гулька опять пятёрку по русскому получила.

– Гулька ещё стихи умеет сочинять, – манерно растягивая слова, добавляет симпатичная Оля. – И поёт красиво.

Гуля от похвалы преображается – глаза заблестели, щёки залил нежный румянец.

– Митя, а ты?

– Трояк по математике, – мальчишка по-взрослому сплёвывает под ноги.

– Юливанна, а давайте на другую сторону перейдём, – осторожно предлагает Димка, явно ища поддержки у товарищей.

– А зачем? Остановка – она вот, в двух шагах.

Дети переглядываются между собой, и я чувствую какой-то подвох в поступившем предложении, но в то же время ощущаю значимость происходящего, хотя и понимаю, что это – совсем в другую сторону...

– А что там такого интересного?

– Увидите! Пойдёмте, а?

– Пожалуйста!

Все, как один, ждут моего решения, и я ощущаю, что от этого решения зависит многое...

– Ну, хорошо, идёмте, только быстро, а то нас «дома» потеряют.

Читаю на лицах детей удовлетворение...

Оживлённо переговариваясь и обгоняя прохожих, по «зебре» переходим на зелёный, минуем магазин «Спортовары», «Аптеку»...

– Далеко ещё?

– Уже пришли! – крикнул Сашка и первым рванул к киоску «Булочная».

...

Окно киоска располагалось довольно высоко, поэтому только Гуля смогла дотянуться и постучать по стеклу. Окошко тут же отворилось, выпуская на улицу стойкий запах сдобы, хлеба, тепла. Запах хлеба – что может быть желаннее и вкуснее!

Немолодая улыбающаяся женщина в белой накрахмаленной косынке выглянула в окно, удивлённо воскликнула:

– Ой, ребятушки мои! Как я же рада!

Все дети, толкаясь и перебивая друг друга, разом загалдели, закричали, перебивая друг друга:

– Здравствуйте, тётя Валя!

– А мы по вас соскучились!

– А я сегодня пятёрку получила по физкультуре!

– А Митька мне вчера подножку подставил.

– А я новый стих сочинила!

– Умнички вы мои!

– А меня училка ни за что отругала.

– А разве «ни за что» бывает? – удивляется тётя Валя.

– Бывает!

Я скромно стою в сторонке, не смея помешать общению, нарушить эту сердечную связь, нежную привязанность меж-

ду двумя сторонами.

– Давайте-ка я вас угощу, – румяная тётя Валя щедро сыплет в детские ладони сушки с маком.

– Спасибо!

– Вам спасибо, что не забываете!

– Нам пора, до свиданья!

И вновь захлопнулись детские души, лица стали серьёзны и сосредоточены, мы спешно двинулись в сторону троллейбусной остановки.

– Юливанна, мы думали, что вы не согласитесь с нами идти.

– А кто такая – тётя Валя?

– Она ещё раньше вас работала в Детском доме, в нашей группе.

– И вы её очень любите...

– Да, очень!

– А теперь она продаёт хлебобулочные изделия. Почему?

– Тётя Валя по секрету сказала, что не сработалась со Светланой Ибрагимовной... А воспиталка, которая после тётки Вали работала, тоже на днях уволилась, ну и пусть, не жалко, потому что эта воспиталка ни разу не захотела идти к тётке Вале, сказала – «неположено».

– Понятно... А вот и наш троллейбус.

Мы возвращаемся почти вовремя, но я замечаю в окне внимательный взгляд Светланы Ибрагимовны.

...

Город для нас с Пашкой – «терра инкогнита», неизведанная земля, огромный муравейник, где каждый муравьишка бежит по своим делам, и ему нет никакого дела до остальных.

Город – планета, населённая равнодушными к чужой беде, к чужим проблемам, людьми.

Горожане отталкиваются друг от друга так же легко, как бильярдные шары, стараясь увеличить межличностное пространство – им слишком тесно. Тесно в метро, в транспорте, на остановке...

В деревне дела обстоят иначе... Большие расстояния между дворами подталкивают людей к сближению. Здесь, в деревне, ещё не разучились ходить друг к другу в гости без приглашения, делиться с соседями сокровенным, вместе отмечать радостные и горестные события.

Первым, кому в незнакомом городе я сказала «здравствуйте», оказался дворник дядя Ахмед.

Худой, несуразный, в телогрейке и засаленном фартуке, он ловко орудовал метлой, убирая близлежащую территорию от опавшей листвы.

Моему приветствию Ахмед, кажется, немного удивился, однако, стрельнув глазами из-под шапки, кивнул в ответ. Облокотясь на метлу, он несколько минут внимательно наблюдал за тем, как мы с Пашкой носим вещи в квартиру на втором этаже.

Соседка по площадке позже расскажет, что у Ахмеда большая семья – жена и четверо детей; живут они на съёмной квартире недавно и ни с кем из соседей накоротке не общаются.

Именно с Зоей Ивановной я сблизилась так быстро и непринуждённо, словно знала её с пелёнок.

...

– Проходи в комнату, можешь не разуваться, только ноги вытри, – Зоя Ивановна убежала на кухню. – Артамошка, займись гостьей!

Артемона дважды просить не было нужды: он закинул на меня лапы, закрутил коротким хвостом, словно пропеллером, повизгивая от неподдельной радости и обнажая жёлтые зубы. Артемону было за что любить меня – я пару раз приносила собаке сахарные косточки.

– У тебя лицо – будто ты проглотила муху. – Зоя Ивановна, как всегда, могла утешить и словом, и делом. – Чегостряслось-то?

Назвать Зою Ивановну старушкой мог разве что полоумный – настолько не подходило ей это определение.

Зоя Ивановна собирала седые, крашеные в голубой цвет, волосы в элегантную причёску, прикалывала к ним кокетливую шляпку; розовой помадой подкрашивала подвижные выразительные губы. Красотка! А какие глаза у Зои Ивановны! Хотя и слегка поблекшие от возраста, но весёлые и выразительные.

Бодрая походка, боевой характер, живой ум – всё это добавляло Зое Ивановне определённый шарм. Если бы в местной киностудии был кастинг на роль «доброй бабы Яги», она непременно досталась бы Зое Ивановне.

– Ну, чего ты сопли развесила?.. Артамошка, поцелуй Юльку.

Пудель с удовольствием исполнил волю хозяйки, слегка при этом переусердствовав...

Лишь одно существо в доме пренебрегало обществом нашей компании – это кот Лёва. Судя по всему, характер он имел нордический, выдержанный и при этом весьма избалованный, а власть над хозяйкой, как и пудель Артемон, имел безграничную. Оба питались с хозяйского стола в прямом смысле слова: Лёвка бесцеремонно спрыгивал с холодильника прямо на стол и, стащив лакомый кусок, удалялся трапезничать. Пудель клал на клеёнку лапы, на лапы – лохматую, в мелких чёрных завитках, морду и придавал глазам такое несчастное выражение, что рука сама тянулась к кусочку колбасы, а после клала этот кусочек в ненасытную собачью пасть...

– Да не расстраивайся ты так!.. Что поделаешь – судьба у детей такая. Государство заботится – кормит, поит, одевает. Не на улице же, в самом деле, живут... Слушай, ты была когда-нибудь в Петербурге?

– Была, только давно, в детстве.

– В Эрмитаже была?

– Была, только плохо помню, а что?

– Юлька, ты кто по национальности?

– Чистокровная русская.

– Нет сейчас чистокровных – все крови перемешались.

У меня вот – не кровь, а смесь гремучая.

– Я заметила!

– Хочешь, про себя расскажу?.. Мать (покойница) была финкой, отец – коренной петербуржец. Ещё до войны познакомились, да так в Петербурге и остались. Мать при Эрмитаже техничкой работала, отец – дворником, за это в Эрмитаже им дали маленькую комнатёнку, даже не комнатёнку, а чулан. Представляешь, среди какой красоты я выросла!

– А потом?

– А потом я встретила писаного красавца, вышла замуж и уехала с ним в этот город, а спустя год развелась по причине частых адюльтеров со стороны супруга. Одно слово – красавчик...

– Вы тоже симпатичная, Зоя Ивановна, даже в вашем возрасте, а это встречается не так уж часто.

– Нет, Юлька, я всю жизнь смазливой была, но красавицей – никогда. Ладно, давай ужинать.

– Спасибо, я пойду, сейчас Пашка со смены вернётся.

– Ты заходи, я почти всегда дома, только до рынка или до аптеки могу отлучиться. Мне болеть-то нельзя, иначе кому Артамошка с Лёвкой нужны будут?

Зоя Ивановна вздохнула.

Артемон дал на прощание лапу, Лёвка глянул с высоты холодильника строго и неподкупно, словно говоря «ты заходи, но хозяйку больше не огорчай».

...

Осень с каждым днём всё заметнее сдавала позиции.

Прохожие искали тепла в уютных кафешках. Парки и скверы опустели – холод всех загнал в тёплые квартиры.

Человеческого тепла во мне искали дети, чужие дети, но могла ли я дать им то тепло, на которое они рассчитывали? Могла ли дать то, о чём имела лишь смутное представление? Мы с Павлом не имели собственных детей, хотя находились в браке третий год.

Каждой нормальной женщине однажды захочется подчиниться инстинкту и стать мамой; каждый ребёнок-сирота мечтает о том, чтобы у него появилась семья. Природа не терпит пустоты: если семьи нет, в детской душе поселяется чувство неприкаянности, незащитности, уязвимости и одиночества...

Каждый раз, переступая порог Детского дома, меня охватывало чувство растерянности с привкусом тревоги и горечи – какой сюрприз приготовил сегодняшней день?

Мелкие и большие ссоры, драки и слёзы, вспышки агрессии – всё это случалось изо дня в день. Недоверчивые и не обласканные, трогательные и несчастные, ранимые и весёлые, грустные и жестокие – детдомовские дети.

...

– Юливанна, хотите послушать стихотворение?

– Очень хочу.

Гуля разглаживает лист бумаги, читает с выражением:

– Мама, любимая моя!

Всем сердцем я люблю тебя,

Ты мне полжизни отдала,

Чтоб вырастить меня,

И первым словом для тебя

Я сказала «мама»...

– Какое доброе стихотворение! Ты молодец, Гуля.

– Спасибо. А ко мне мама скоро придет!

– Откуда ты знаешь?

– Светлана Ибрагимовна сказала.

Гуля кладёт голову мне на плечо:

– Знаете, какая у меня красивая мама? Как артистка!

– Ты похожа на маму?

– Очень похожа!

– Значит, и правда – красивая...

...

Сегодня по столовой дежурят Димка и Люда.

У Люды такое же прогрессирующее косоглазие, как и у Митьки.

Люда коренаста, говорит громко, а в голосе звучат командные нотки.

Джинсы обтягивают полные ноги девочки так плотно, словно вот-вот разойдутся по швам.

Остальные дети заняты каждый своим делом: Надя рисует, прикрыв ладонью лист тетради; Оля читает; Ваня с Сашкой играют в домино.

– Покажи, что рисуешь, – любопытный Мишка пытается заглянуть через Надино плечо в тетрадь.

– Отстань!

Но Мишка не унимается:

– Покажи, ну покажи!

– Юливанна, скажите вы ему! – сердится Надя.

Не успеваю вмешаться в ситуацию – с первого этажа вдруг доносится разъярённый крик.

Я бы из тысячи голосов узнала этот красивый надменный голос...

Господи, что происходит?

Мишка тут же скрывается в своей комнате, Надя испуганно вздрагивает, и только Оля продолжает невозмутимо читать... или делает вид, что читает.

Я подрываюсь с места и выбегаю на лестничную площадку. Столовая как раз находится под нашей комнатой, и крики доносятся именно оттуда.

– Вылизываем языком, слышите? Идиоты! Это же хлеб, понимаете – хлеб! А вы? Встали оба на колени и всё собрали языком! Слышите – языком!

Светлана Ибрагимовна красивым ртом выплёвывает грязные слова так привычно, словно лущит семечки. Яркий румянец гнева проступает сквозь смуглую кожу; правая рука с золотой змейкой рубит воздух легко, словно нож – размягчённое сливочное масло.

– Вы?! – спазм сжимает мне горло, не даёт возможности говорить.

Светлана Ибрагимовна, едва взглянув в мою сторону, берёт себя в руки, привычным жестом поправляет растрепавшиеся волосы и, выпрямив спину, уходит прочь.

Ноги более не держат меня, я устало опускаюсь на ступеньку лестницы, и буквально через минуту ощущаю холодную поверхность крашеного бетона. В приоткрытую дверь столовой вижу, как Люда собирает в ладонь хлебные крошки, а Дима, низко опустив голову, раскладывает столовые приборы. Повариха тётя Маша разливает по кружкам чай, словно бы ничего не случилось...

– Димка нечаянно уронил на пол несколько кусочков хлеба, а тут она зашла, как будто специально, – в глазах Люды кипят слёзы.

– Она и правда могла вас поставить на колени?

– Не знаю, может быть.

– Люда, давай успокоимся и позовём остальных на обед.

Обед оказался довольно безвкусным – пустые щи и макароны с сосиской.

...

Я гляжу в окно: капли осеннего дождя сбегают по стеклу, а голые ветви деревьев будто цепляются за свинцовые тучи, нависшие над городом.

В Детском доме – «мёртвый час».

Я сижу в своём кабинете, обхватив голову руками, и не могу сосредоточиться, чтобы вписать в журнал несколько строк о проделанной за день работе.

Как жить дальше? Сделать вид, что ничего не случилось?

Я отодвигаю журнал, закрываю кабинет и решительно спускаюсь на первый этаж. Мне нужен психолог, именно он в данной ситуации – и противоядие, и лекарство, и надежда...

– Входите, присаживайтесь, – Татьяна Сергеевна поджигает и без того тонкие губы.

Слова рвутся из моей груди наружу, неприятная дрожь охватывает тело, и я безвольно опускаюсь на краешек стула.

– Кажется, я знаю, почему вы здесь, – сухо говорит Татьяна Сергеевна. – Вы по поводу той дурацкой ситуации, что случилась сегодня в столовой, верно?

Молча киваю...

– Послушайте, Юлия Ивановна, у вас есть родители?

– Да.

– Так вот, Детский дом – это тоже большая семья, но, к сожалению, без отца.

Можно сказать, безотцовщина! Вероятно, вы обратили

внимание на то, что наш коллектив – чисто женский, не считая трудовика Петровича и дворника. Именно поэтому Светлане Ибрагимовне приходится выступать в двух ипостасях – быть и мамой, и папой. Поверьте, это нелегко.

– Татьяна Сергеевна, я наблюдала директора в роли отца-садиста. Разве это нормально?

– Понимаю ваше негодование... Но дети с покалеченной психикой иногда не понимают другого языка...

– Языка насилия и унижения?

– Ну зачем вы так... Возьмите лучше личное дело каждого – вам давно пора ознакомиться, взглянуть на ситуацию более пристально, изнутри.

– Спасибо за совет.

Я поднимаюсь наверх, прижимая к груди девять пухлых папок, в которых уместилось девять детских жизней, девять судеб, девять трагедий. Возможно, потому они, эти папки, так невыносимо тяжелы...

...

Не самое лучшее время мы выбрали с Пашкой для переезда в город, ох, не самое! Буквально вчера отгремели «лихие девяностые», надолго оставив после себя зазубрины, отметины и шрамы. Всё то, во что верили, распалось в мгновение ока, идеология миллионов потерпела фиаско; каждый выплывал и выживал как мог...

Из каких запасников и загашников находили средства на содержание детей в детских домах – для меня загадка. У каких тайных или явных покровителей Светлана Ибрагимовна выбивала, выпрашивала, выклянчивала средства и находила поддержку?

Детская одежда и обувь часто оказывались не по размеру, поэтому платья, юбки и даже пальто перекраивались, перешивались, подгонялись индивидуально.

Сердобольные тётушки и бабушки, живущие в соседних дворах, приносили детям огурчики и помидоры с собственной дачи, варенье из собственного погребка. Детский дом не брезговал ничем...

...

Из деревни, с оказией, нам с Пашкой передали посылку – овощи, картофель, варенье.

– Эх, заживём! – Пашка радовался, как ребёнок. – Всё натуральное, без нитратов и прочей химии.

Мы с мужем экономили буквально на всём, хотя поначалу сорили деньгами направо-налево – уж слишком много в городе разных соблазнов! Когда деньги растаяли и кошелёк опустел, стали более осмотрительны.

– Пашка, у тебя когда аванс будет?

– Во вторник обещают.

– Давай в кино сходим?.. И ещё, мне косметику нужно купить.

– Купим, не вопрос.

– А тебе – куртку кожаную, а то ходишь – деревня деревней.

– Согласен.

...

В кожанках ходило полгорода – не меньше!

Иметь модную кожаную куртку или плащ было престижно. Городской рынок под завязку был завален изделиями качественной выделки и безобразно дешёвой подделки.

Возле торговых рядов с кожаными изделиями запах стоял невероятный!

С товарами из кожи соперничали только джинсовые изделия: джинсы высокой и низкой посадки, джинсовые куртки, джинсовые сумки и кепки. Перекупщики драли три цены, но люди всё равно брали...

Мы с Пашкой любили бывать на городском рынке, потому что это – не ровня тому блошиному рыночку, что имеется в нашем селе. Оккупированный бабками с калошами, носками, фуфайками и прочим ширпотребом, он рассчитан на обычного сельского жителя, без особых запросов и затей.

Мы приходили на городской рынок за эстетическим наслаждением, за положительными эмоциями и впечатлениями, которых не хватало в чужом, незнакомом городе.

– Эх, были бы деньги, я бы тебе во-он то платье купил!

– А я бы тебе – в-оон те джинсы!

Потолкавшись и промёрзнув до костей, мы, тем не менее, довольные возвращались в нашу съёмную квартиру.

Я готовила обед, а Пашка смотрел телевизор или читал немудрёную книгу, коих было несчётное количество в хозяйском шкафу.

...

В фойе, на диване, облокотившись на подлокотник и подобрав под себя длинные красивые ноги, скучает Оля.

Она невозмутимо и неспешно грызёт и без того короткие ноготки.

Миловидная девочка обещает со временем превратиться в настоящую красавицу: нежный овал лица, вьющиеся от природы белокурые локоны; взгляд – чистый, лазоревый, словно море – в минуты покоя. Глаза Оли подведены чёрными стрелками, на губах – ярко-розовая помада. И где только косметику берёт?

– Оль, ты чего загрустила?

– Да надоело всё!

Оля перестаёт грызть ногти, расправляет на коленях короткую юбку. Пальцы у Оли красивые, как у пианистки, с овальными розовыми ноготками.

– А что случилось?

– Юливанна, хотите кое-что расскажу?

Девочка театрально закатывает глаза, часто-часто хлопает ресницами, губки складывает «бантиком». Артистка!

– Ой, сколько я натерпелась, Юливанна, вы себе не представляете! Мой папка, представляете, убил мамку!

Оля округляет глаза и отводит взгляд куда-то вверх и вправо:

– Представляете? Папку посадили, а меня в Детдом отравили.

Оля рассказывает об этом так просто, словно говорит о привычных, обыденных вещах – о погоде или успехах в школе. Чувствуется, этот рассказ она повторяла много-много раз в своей недолгой тринадцатилетней жизни.

– А знаете – за что?.. Потому что мамка была гулящая.

Хотите, я вам фотки покажу? Кстати, я на мамку похожа!

Со снимков, сделанных любительским фотоаппаратом, смотрят белокурая миловидная женщина, приятный брюнет строгого аскетичного вида и девочка лет шести.

– И правда, ты очень похожа на маму... Оля, ты давно здесь?

– Четыре года... Представляете, как мне всё на-а-д-оо-е-л-оо! – растягивая слова, отвечает девочка и вновь кусает ногти...

– Оля, понимаю, как тебе нелегко, но и здесь можно жить, государство о тебе заботится. У тебя всё ещё впереди!.. Может быть, тебе помочь с уроками?

– Я с вами поделиться хотела, по душам поговорить, а вы – уроки!

Оля наигранно обижается, вскакивает с дивана, и, вырвав из моих рук фотографию, бежит в комнату.

Я вновь остаюсь наедине со своими мыслями.

...

– Зоя Ивановна, у вас наверняка есть корвалол...

– Деточка, что случилось? Ну-ка, раздевайся.

Старушка усаживает меня за кухонный стол, но вместо корвалола достаёт из серванта бутылочку:

– Наливка, вишнёвая. Давай-ка по одной...

Мы выпили; наливка оказалась удивительно вкусной и ароматной.

– И что, прямо так и сказала «вылизывайте пол»?

– Прямо так и сказала.

Лицо у Зои Ивановны кривится, как от зубной боли.

– А ты чего?

– А я испугалась.

– Понятно... Эх, жалко, что меня там не было, я бы показала этой Ибрагимовне «кузькину мать»!

Зоя Ивановна швыряет вилку с такой силой, что вилка, будто живая, отскакивает от крышки стола и летит на пол. Артемон испуганно прячется под стол, Лёвка молниеносным прыжком взлетает на холодильник.

– И что бы вы сделали, Зоя Ивановна? Поскандалили? В таком случае, вас немедленно бы рассчитали, как это случилось с тётёй Валеёй.

– Тоже верно, а дети опять одни останутся, – вздыхает соседка. – У меня ещё вино виноградное есть, хочешь попробовать?

– Нет, спасибо.

– Знаешь, Юлька, у меня дача – шикарная! И виноград растёт, и облепиха, и вишня. Снег сойдёт – обязательно покажу!

Вишнёвая наливка сладким дурманом застилает глаза, душевная боль отступает:

– Спасибо, пойду я...

– Полегчало?

– Полегчало.

– Ну, и слава Богу.

...

Фокусник неуловимым движением руки достал из воздуха вначале красный платочек, затем таким же способом материализовал пластиковый белый шарик. Он крутил в руках этот шарик до тех пор, пока тот не исчез, уступив место колоде карт.

В актовом зале стояла такая густая тишина, что пролети комар – стало бы слышно.

Иллюзионист продолжал творить чудеса: карты появлялись и исчезали, рваные денежные купюры вдруг становились целыми; монеты невероятным образом оказывались в карманах мальчиков и девочек.

На лицах зрителей застыло выражение восторга, радости, восхищения и непонимания происходящего...

...

Ваня сидит в первом ряду. В этот раз узкие глаза его широко раскрыты, а природная (или приобретённая?) суетность и нервозность уступили место сосредоточению.

Не избалованные подобными зрелищами, дети долго не отпускают артиста, аплодируют громко, воодушевлённо крича «спасибо!»

Артист самозабвенно раскланивается и в десятый раз повторяет:

– До свидания, ребята! До новых встреч. Был рад знаком-

ству!

Пока фокусника кормили вкусным обедом, Ваня метался по комнате, не находя себе места:

– Вы видели?.. Супер! Я тоже хочу научиться фокусам...

Остальные дети спокойно пожимают плечами:

– Ваня, ты пойми, это трюк такой, обман зрения.

Мальчишка в сердцах машет рукой – «ничего вы не понимаете»!

– Юливанна, а можно вниз спуститься?

– Зачем?

– Хочу с фокусником поближе познакомиться.

– Иди, попытай удачу, возможно, он ещё не ушёл.

Счастливый Ваня побежал вниз по лестнице.

...

Я спохватилась его минут через сорок и нашла в гостевой комнате – Ваня сидел рядом с фокусником и о чём-то беседовал.

– Вот, нашёл в Ванюше истинного почитателя моего таланта!

На губах иллюзиониста появилась самодовольная улыбка.

– По странному стечению обстоятельств, меня также зовут Иваном.

Я удивилась:

– А в афише написано...

– Ну что вы, в афише указан псевдоним. В творческой

среде – это довольно распространённое явление.

Теперь я без стеснения рассматривала фокусника: модная стрижка, умное красивое лицо, дорогой костюм...

– Простите, как вас зовут?

– Юлия Ивановна.

– Очень приятно! Позвольте, Юлия Ивановна, я буду приезжать к Ванюше в гости.

– Этот вопрос не ко мне, а к директору учреждения.

– Со Светланой Ибрагимовной этот вопрос я уже решил.

– Тогда препятствовать вашим встречам причины не нахожу... Всего доброго!

– Всего доброго.

...Ваня появился в комнате спустя ещё полчаса, подвинул к окну стул и, отдёргнув тюль, прислонился лбом к стеклу, явно кого-то высматривая.

– Ваня! Пойдём обедать.

Мальчишка даже не повернул головы.

Я поняла, что Ваню мы потеряли окончательно.

...

В томительном ожидании прошло недели две, но новоявленный Ванин друг так и не появился.

Иван забросил учёбу, перестал нормально есть и спать. Он мог часами дежурить у окна, огрызаясь на попытки отвлечь от его от привычного занятия.

И вдруг однажды, когда всякая надежда была потеряна,

по диктофону объявили:

– Иван Каюмов, срочно спустись в гостевую комнату, к тебе пришли.

И Ваня, сияя как медный самовар, побежал навстречу судьбе...

...

– Паш, ты ограбил супермаркет?

Пашка довольно улыбается:

– Проходите, Юливанна, не стесняйтесь! Обмоем ваше боевое крещение.

На столе – кругляши колбасы, они уже покрылись тонкой масляничной плёнкой; полупрозрачные ломтики сыра, сквозь его дырки могла бы пролезть даже мышь, если б захотела; бутылка «Столичной», покрытая капельками влаги; пупырчатые, с мизинец размером, маринованные огурчики; нарезанные дольки помидоров...

– Паш, дай я тебя поцелую.

– Целуй! – нескромно говорит супруг и подставляет щёку...

Я взахлёб рассказываю Пашке про случай в столовой.

Пашка слушает внимательно, не перебивая, и когда в моём голосе появляются истеричные нотки, силком тащит в кровать. Он укрывает меня одеялом, словно ребёнка, долго гладит по голове, приговаривая:

– Всё будет хорошо, Юлька, всё будет хорошо... Спи.

Ощущая тепло Пашкиных рук, я лечу то ли в черноту глу-

бокого колодца, то ли в глубину речного омута, и лечу так быстро, словно к ногам привязан камень. И в этой кромешной тьме, где-то там, вверху, виднеется одна-единственная, едва заметная, светлая точка – то ли ночная звезда, то ли погасшее дневное светило.

...

Наконец, зима явила своё милосердие, рассыпав над городом первую «крупку».

В белой дымке растаяли очертания деревьев и зданий; словно окрашенные невидимой кистью искусного художника; засверкали белизной скамьи и тротуары, парапеты и провода, автомобили и детские игровые площадки.

Глядя на это великолепие, хотелось только одного: чтобы зима осталась и избавила нас, наконец, от осенних склочных ветров; тревожно стучащих по окнам дождей; защитила от тоскливого вида умирающей природы...

Сегодня у Пашки должна быть зарплата, и значит, не далее как завтра, мы пойдём в магазин, чтобы, как поёт Лагутенко «тратить все твои, все мои деньги – вместе»! Кроме того, «меня ожидает приятный сюрприз» – так сказал Павел. Но это будет завтра, а сегодня с утра меня вызвала к себе Светлана Ибрагимовна...

Впрочем, день не задался с самого утра.

Сначала в моём присутствии поспорили Люда с Олей, а предметом спора оказалась туалетная комната, дежурство

по которой принимала Оля.

– Люд, ну ты вообще, что ли? Я не приму дежурство! Вымой раковины и отмой как следует унитаза.

Люда, по-мужски широко расставив ноги, жестикулирует яростно, при этом каждое сказанное слово вбивает в уши так громко, будто гвозди – в стену.

– Чего выёж-ж-иваешься, Олька? Но-но-рмально я убралась, это т-т-ы вечно всем н-н-е д-д-довольна.

На Люду и жалко, и страшно смотреть: редкие веснушки, рассыпанные по бледной коже, утонули в краске злости; предлоги не проговариваются, а застревают в глубине искривившегося рта, голос дрожит...

На днях я изучила личное дело каждого из своих подопечных: сухие слова протоколов и заседаний, лаконичные фразы характеристик, заверенные печатями разных мастей, подписями чиновников разных организаций и званий... Большой труд десятков людей, спасающих детей от бродяжничества, криминала и, что скрывать – от гибели.

Только вот беда: ни один (повторюсь – ни один!) из детей не был доволен своей участью, не испытывал благодарности к спасателям в той мере, в коей должен был испытывать за сытую и беззаботную жизнь.

У каждого, о чём свидетельствовали многочисленные медицинские заключения, имелось по два, а то и по три хронических заболевания: астма, нефрит, косоглазие, плохо срос-

шиеся переломы и многое другое. А детство каждого из них было скроено и сшито из кусков рванины и всякой непотребщины.

Зов крови – сильнее всего остального?

...

Мишку когда-то подобрали на свалке.

Главной задачей семилетнего мальчишки оказалась проблема «прокорми себя и своего ближнего». Мишка находил остатки пищи, и, разделив на две части по совести, одну съедал сам, а вторую нёс родителям.

Двери Мишкиного дома всегда были радушно распахнуты для любого страждущего по той простой причине, что их, дверей, не было вовсе – по пьяной лавочке Мишкин отец продал дверные полотна за пару бутылок.

Сначала отчего-то запил Мишкин отец, чуть позже, устав воевать с мужем-алкашом, присоединилась мамка, и круг замкнулся. Вначале семья лишилась посуды, чуть позже – мебели, и в конечном итоге – самоё себя, как ячейки общества.

Мишка смутно помнит то счастливое время, когда кушал кашу, сидя за нормальным столом, ел из нормальной посуды и спал на нормальной кровати. Став постарше, спал на полу вповалку со странными, синюшного цвета, элементами, на грязном тряпье.

Иногда Мишкина мать обнимала сына, прижимала к себе: – Кормилец ты наш! Чего сегодня принёс?... У-уу, кон-

серва недоеденная, и хлебушек... Витька, разливай.

Иногда, будучи в дурном настроении, давала сыну затрепщину:

– У-уу, ирод, погубить нас хочешь?.. Хавку тащи!

Лишь отец не кричал на Мишку, а мычал что-то нечленораздельное, и грозил грязным пальцем, глядя на сына...

– Гулька, дай проверю – ты лифчик носишь?

Мишка неприятно скалится, снизу заглядывая в Гулино нежное личико. Чёрный пушок над Мишкиной губой топорщится ёжиком.

– Юливанна, скажите ему! – краснеет от досады Гуля и, хлопнув дверью, закрывается в комнате.

– Миша, пойдём, поговорим.

– Нотации читать будете?.. Я и так всё знаю.

Разговор с Мишкой долгий, но не очень эффективный, и мы оба об этом прекрасно знаем.

...

История Люды с Ваней уходит корнями в ещё более тёмное прошлое.

Их отбили у субъектов, сделавших из детей профессиональных попрошаек.

Дети скитались по улицам и вокзалам, выпрашивая у прохожих милостыню.

В их судьбе непосредственное участие принял тот, кто построил трёхэтажный дворец у черты города; тот, кто разь-

езжает на дорогой иномарке; тот, кто не брезгует продажей дурманящих веществ и перепродажей краденого. Этот нувориш до сих пор живёт и здравствует на свободе, а Люда с Ваней коротают «счастливое детство» в казённом доме...

Буквально в первые дни работы здесь, в Детском доме, из моей сумочки, неосмотрительно оставленной без присмотра, вдруг пропала небольшая сумма денег.

– Это Ванькиных рук дело, – по секрету сказал Димка. – Есть у Вани такая привычка.

Ваня на мои доводы и подозрения крестился, божился и всячески всё отрицал – «не брал, не видел, не знаю».

И лишь спустя несколько дней (с чего-то – вдруг?) отозвал меня в сторонку, огляделся по сторонам и разжал ладонь... На ней, словно остатки Ваниной совести, лежали две помятые купюры.

– Случайно получилось, – он глянул на меня исподлобья глазами-щёлками и отвёл взгляд.

Дурная привычка клянчить, попрошайничать, брать чужое, видимо, навсегда прилипла к мальчишке.

Совесьть – это качество, так необходимое каждому из нас, пусть даже в таком, небольшом количестве, как у Вани. Думаю, именно совесьть, а не труд, чудесным образом сделала из животного Человека.

...

Из личного дела не стереть те скупые факты биографии,

которыми изобилуют документы и справки. О многом читается между строк, о чём-то, в порыве откровенности, рассказывают дети...

От Митьки отказалась бездетная приёмная семья: дескать, и грубиян Митька, и лентяй, и вообще – «не о таком сыне мы мечтали!»

А мечтали новоявленные родители, на блюдечке с голубой каёмочкой, получить сразу воспитанного, образованного, любящего мальчика, не прилагая никаких лишних усилий со своей стороны; не вложив душевных сил, рассчитывали на дивиденды.

На Митьку не хватило ни ласки, ни любви, поэтому он потерял всякую веру в порядочность людей и всё человечество в целом; поэтому он, Митька, стал дерзким до неприличия, циничным и грубым, словно рецидивист, отмотавший не один срок за решёткой.

...

Тихую Наденьку мама продала незнакомой сердобольной женщине за бутылку водки, и эта сердобольная женщина привела когда-то Наденьку в приют.

Из детских воспоминаний (не сотрёшь, как ни старайся) Надя хорошо помнит запах бензина, огромные грязные фуры, а ещё – звонкое бульканье белой или красной жидкости, наливаемой в стакан. А ещё Наденька помнит вкусные конфеты, которыми угощали её добрые незнакомые дяденьки.

Надя очень любит рисовать, и чаще всего рисует цветы,

красивых принцесс с принцами, а также большие кареты. Только кареты юной художницы сильно напоминают «МАЗЫ» и «КАМАЗЫ»...

Да, голод души – трудноизлечимое, а может быть, вовсе не излечимое заболевание?

Как же им, изголодавшимся по семейному счастью, ласке близких и родных, пусть даже потерявших человеческий облик, вырасти настоящими людьми? Это задача, которую каждый из них будет решать самостоятельно, всю свою сознательную жизнь.

...

Люда с Олей продолжают перепалку, Оля – за идеал чистоты туалета, Люда – за идеал «не в чистоте туалета счастье».

– Девочки, ну что вы завелись с утра? В школу опаздываем! А если опоздаем, кому влетит? Мне!

Обе вздыхают, но упрямо стоят на своём...

Я рву на три части тряпку, предназначенную для уборки:

– Убираемся вместе – и бегом одеваться!

Мы управились за пару минут.

– То, что можешь сделать сам, сделай хорошо и не сваливай на другого. Мы – один коллектив, одна семья.

Люда отводит взгляд.

...

Вдох... Выдох... Вдох.

Я в нерешительности топчусь у кабинета директора,

не смея постучать. Наконец, набираюсь силы духа:

– Можно, Светлана Ибрагимовна?

Хозяйка Детского дома что-то быстро пишет в тетрадь; не поднимая головы, кивает на стул. Золотая змейка тут как тут: то вынырнет из рукава серого джемпера, то вновь спрячется.

Светлана Ибрагимовна надевает колпачок на изящную авторучку, откладывает в сторону тетрадь:

– Юлия Ивановна, давайте будем честны друг перед другом... Я вижу, вы любите детей, но опыта работы с таким контингентом вам явно не хватает. Пожалуйста, будьте с детьми поостроже... И ещё: продумайте, пожалуйста, какие-то интересные мероприятия, разнообразьте досуг по мере возможностей.

– Хорошо.

– У меня для вас две, не совсем радостные, новости... Я бы хотела услышать: как себя ведёт Ваня в последнее время?

– Ваня заметно повеселел, в учёбе подтянулся.

– Он ничего вам не говорил?

– Нет?

– Это хорошо... Я сейчас всё объясню... Вы, конечно, в курсе, что иллюзионист, который выступал для детей, регулярно навещает мальчика?

– Да, конечно. Он опекает Ваню, даже балует: то конфеты принесёт, то мороженое.

– Дело в том, что господин NN обещал Ваню усыновить.

– Ой, как я рада за Ваню!

– Погодите радоваться, Юлия Ивановна... Случилась неприглядная, на мой взгляд, история. Вчера господин NN позвонил и извинился за то, что передумал усыновлять Ваню.

– Как же так? Это – большая травма для ребёнка!

– Он сказал, что на то есть серьёзные причины: то ли развод с супругой, то ли переезд, то ли то и другое – вкуче... Одним словом – фокусник!

Светлана Ибрагимовна в сердцах стукнула ладонью по столу. Змейка не преминула воспользоваться ситуацией – сверкнула золотой чешуей.

– Я понимаю – жизнь непредсказуема, и, отработав в должности заведующей Детским домом, насмотрелась всякого, но... не могу привыкнуть к подобным ситуациям, да и привыкать, собственно, не имею права. Вы со мной согласны?

Я молча кивнула, думая в этот момент о том, как объяснить с Ваней и какие подобрать слова и веские доводы?

– Может быть, NN испугался, ведь Ваня – далеко не подарок.

– Допускаю и такой вариант. Впрочем, вряд ли! Я неплохо разбираюсь в людях и, судя по всему, у человека действительно форс-мажорные обстоятельства... Вы сможете сами обо всём рассказать мальчику? Или это лучше сделать мне?

И вновь, как в прошлый раз, там, на лестнице, сильный спазм схватил меня за горло...

Светлана Ибрагимовна выждала паузу:

– Давайте сделаем так: я всё объясню Ване сама, а вы, как педагог, поддержите ребёнка в трудной ситуации, насколько это возможно; чем-то его отвлечёте, мотивируете...

– Хорошо, постараюсь... А вторая новость?

– Ах, да, забыла... Завтра в вашу группу определяем новенькую, Лену Степанову. Все документы я уже подписала.

– Новенькую?... Но, учебный год давно в разгаре, как же она будет учиться вместе со всеми?

– К сожалению, так получилось. Вместо шестого класса девочке придётся посещать пятый. В школе Лену не видели несколько месяцев.

– А откуда привезут девочку?

– Из посёлка Приволжский, это недалеко от нашего города.

– Мне приходилось там бывать... Скажите, а почему Лена не училась, она жила с родителями?

– В семье – ещё трое детей, один из них – инвалид. У матери хватает денег только на личные расходы, ну, вы понимаете, на какие...

– Ужас! Прошлый век какой-то.

– Ознакомьтесь, пожалуйста, с документами, а после обеда верните мне.

И я приняла от Светланы Ибрагимовны историю ещё одного ребёнка, ещё одного ангела с подрезанными крыльями – Лены Степановой.

...

На всех парах лечу на автобусную остановку и в последнюю секунду взлетаю на подножку уходящего транспорта – успела! Мой маршрутный микроавтобус, как обычно, битком набит пассажирами, яблоку негде упасть.

– Передай, говорю, на билет!.. Оглохла?

Длинноволосый отрок лет восемнадцати тычет в лицо пригоршню мелочи. От взгляда его колючих и наглых глаз я отшатнулась так, словно получила пощёчину. Возможно, в другой ситуации я бы приструнила наглеца, но сейчас не было ни сил, ни желания.

Я передала парню билет, и вдруг отчётливо представила на его месте Ваню... Митьку... Мишу.

Что будет с этими мальчишками, когда они покинут стены Детского дома, кем станут? Не превратятся ли в такого же юнца, у которого явно трансформированы нормы морали и человеческие принципы? Повстречайся такому юнцу ночью, где-нибудь в подворотне – пожалуй, несдобровать...

– Стой, гадёныш!

Я обернулась на крик: пожилой мужчина, подорвавшись с места, рванул было к выходу, но оказалось, поздно – двери захлопнулись. Прыщавый, за секунду до того, как сомкнёт-

ся «гармошка» дверей, сорвал с мужика норковую шапку и на ходу выпрыгнул из автобуса.

Водитель ударил по тормозам; пассажиры возмущённо загалдели.

Пострадавший обречённо махнул рукой – «чего уж теперь, не догнать!»

Я взглянула в заиндевшее окно: петляя, словно заяц в лесу, расталкивая прохожих, долговязый добежал до ближайшего здания и скрылся за углом.

Господи, когда же закончится этот день?!

...

Родной подъезд встретил меня запахом жареной картошки – явно Пашка старается! За дверью Зои Ивановны слышится дружелюбное повизгивание – это Артемон почуял моё присутствие.

– Юлька, раздевайся быстрее, проголодался, как слон!

Я не спешу к столу: дважды или трижды машинально намыливаю руки, топчусь перед зеркалом в ванной, разглядывая кислое выражение лица, горькие складки возле губ.

– Ау-уу! – Пашка теряет терпение. – Юль, ты что – издеваешься?

– Да иду я, иду.

– Ты чего такая смурная?

– День тяжёлый.

– У тебя каждый день – тяжёлый. Может, уйдёшь, наконец, из этого дурдома?

– Точно, дурдом.

– Так увольняйся!

Пашка откусывает большой кус хлеба и начинает жевать с таким остервенением, что желваки ходят ходуном.

В такие моменты Пашку лучше не трогать – пусть остынет...

Стратегия и тактика в семейной жизни вырабатываются годами. Как бы ни были вы счастливы со своей второй половинкой, как бы сильно не любили друг друга, склоки, разногласия и недопонимание – неизбежны!

Несовпадение настроений, характеров, мировоззрений и мнений, воспитания и прочих факторов могут послужить серьёзным препятствием на пути к семейному счастью, разрушить идиллию и поставить крест на самой горячей любви...

Я спешила домой за пониманием и поддержкой, в надежде, что муж, увидев моё огорчённое лицо, сразу пожалеет, поможет раздеться, поцелует, обнимет, а он – про еду, «есть хочу, как слон»... Нет, всё-таки мужчины устроены иначе!

Я взглянула на Пашку, уплетающего картошку и вдруг устыдилась своих мыслей: «Голодный муж приготовил ужин, накрыл на стол, а я?.. Свинья неблагодарная!»

– Паш, извини.

– Да ладно, ешь, а то всё остыло.

– У тебя как дела, на твоём ВАЗе?

Пашка как-то замялся, перестал жевать, отложил вилку в сторону и засучил рукава: по самые локти руки его покрывала мелкая сыпь, как будто после ожога крапивой.

– Что это?

– Сказали, аллергия, на краску.

– Ты что, работал без перчаток?

– Ну, было пару раз – забыл надеть.

– Ты вообще – соображаешь?

– Не переживай, я больше так не буду! Честно.

– Ладно, куплю завтра что-нибудь в аптеке противоаллергенное.

– Юль, я ж сегодня зарплату получил. Так что закрывай глаза – обещанный сюрприз!

...

Под торжественное «та-да-да-дам!» Пашка поставил на стол большую коробку.

– Не может быть!

– Можем себе позволить, Юлия Ивановна! – Хвастливо сказал Пашка и заулыбался.

– Ну, открывай.

– Нет, ты открывай!

Кухонным ножом Пашка умело вскрыл упаковку...

Как давно мы тешили себя мечтой о покупке DVD-плеера, или проще говоря – «видика»!

В нашем посёлке лишь две семьи – настоящие счастливицы и богатеи, люди другой касты, обладали видеопроектором.

Пару раз нас с Пашкой приглашали на видеосеанс, и мы смогли увидеть то, что по телевизору никогда не смогли бы посмотреть – крутой американский боевик и фильм для взрослых.

Помню, как я краснела при виде откровенных сцен, и как хохотали Пашка с хозяином видека, и как мне, преодолевая любопытство, хотелось быстрее уйти домой...

– Паш, а кассета есть?

– Конечно, и кассету купил, только пока одну.

– А что за фильм?.. Ой, включай уже быстрее!

– Подожди, с инструкцией разберусь...

Уснули мы далеко за полночь, растроганные до слёз ещё одной историей о любви – историей под названием «Титаник».

– Завтра пойдём в видеосалон кассеты выбирать, – засыпая, пробормотал Пашка.

– Я люблю тебя. – И обняла Пашку сзади, крепко прижавшись к его широкой надёжной спине.

– И я – тебя. Спи...

...

Прошло ещё немного времени, и я стала относиться к го-

роду несколько иначе.

Практически сошёл на нет тот животный страх, который наверняка испытывает кролик, оказавшись в одной компании с удавом. Ритм города и ритм моего сердца, наконец, совпали! Я больше не беспокоилась о том, что выгляжу не модно, по-деревенски, не терялась, как прежде, в супермаркетах, которые росли в округе, как грибы – после дождя. Лишь иногда, оказавшись в незнакомом месте, терялась, превращаясь в ту самую деревенскую недотёпу, нерасторопную провинциалку...

Всё реже мне снилась деревня с её покосившимися заборами, заросшими травой оврагами, ухабистыми дорогами; всё реже стали приходить посылки с оказией – «карабкайтесь теперь сами как можете!»

У меня появились... нет, не подруги, но хорошие приятельницы – парикмахерша Людочка, которая стригла хорошо и не дорого; педагог из младшей группы Детского дома – Галина Геннадьевна.

Пашка тоже встретил на заводе двух земляков, и они теперь держались вместе.

Мне казалось, что боль, с которой я столкнулась в первое время пребывания в городе, оставила меня, наконец-то, в покое. Как же я ошибалась!

...

Говорят, что паталогоанатом со временем спокойно потрошит внутренности человека, научившись с годами фило-

софски относиться к своему непростому ремеслу.

Или милиционер, или тюремных дел мастер (надзиратель) – все! – переступив со временем болевой порог, привыкают к издержкам своей профессии, становясь частью маятника, винтиком-болтиком в машине под названием «правосудие», привыкают к ежедневному общению с уродами рода человеческого, извращенцами и дегенератами.

Но сколько времени необходимо человеку на то, чтобы перешагнуть тот самый болевой порог и стать непрошибаемым? Чтобы эта самая боль не изъела изнутри, не выжгла, не сломала, а дала выстоять и выжить, дала возможность остаться человеком?

Кто его знает?.. У каждого – свой болевой порог.

...

Вчера Зоя Ивановна громче обычного забарабанила в дверь:

– Юлька, тебе кошка нужна? Вернее, кот.

Я растерялась:

– Не думала пока... А что?

– Знаю, что нужна. У меня и Лёвка есть, и Артамошка, а у тебя, кроме Пашки – никого. Ну, разумеется, если не брать в расчёт меня.

Старушка хихикает.

– А что, есть лишняя кошечка?

– Пойдём, сама увидишь... Да, ты не одевайся, дверь только закрой – тут рядом.

Зоя Ивановна постучала в дверь этажом выше – как раз над её квартирой.

Не дождавшись ответа, наклонилась и прокричала в замочную скважину:

– Фёдоровна, открывай! Это я, Зоя...

Послышался щелчок замка, и сильный старческий голос проскрипел – «входите».

Мы окунулись в черноту прихожей, словно в подземный бункер, лишь в глубине коридора я успела разглядеть удаляющуюся спину старухи. Старуха, кажется, обнажена или мне показалось?

– Фёдоровна, мы за котейкой пришли.

– Идите сюда, – послышался слабый голос из комнаты.

Мы вошли...

Странное зрелище предстало моему взору: у газовой плиты стояла измождённая высохшая старуха лет восьмидесяти, по пояс абсолютно голая, если не считать розовых рейтузов по колено и белого фартука в ярко-синий горох.

Седые клочья волос (всё, что осталось от былой причёски) стянуты в небольшой клубочек на самом затылке и, казалось, держались на «честном слове» – при помощи двух шпилек.

Подумалось: тряхни бабка головой сильнее – и вся конструкция вмиг рассыплется, разлетится...

Длинной деревянной ложкой Фёдоровна что-то помешивает.

вала в кастрюльке с таким невозмутимым видом, словно каждый день встречала в таком экстравагантном виде непрощенных гостей.

Сиамский кот, восседавший на табурете, меланхолично глядел то на нас, то на хозяйку небесно-лазурным взором.

– Так что, Фёдоровна? Тишку-то мы забираем?.. В хорошие руки кота отдаёшь, не сомневайся! Юлька – не обидит... Скажи, Юль?

И Зоя Ивановна ткнула меня локтем в бок.

– Нет, не обижу! Я животных очень люблю.

Фёдоровна взглянула на нас из-под широких, когда-то красиво очерченных густых бровей, и я увидела плескавшиеся в её глазах слёзы, готовые вот-вот вырваться из-под власти хозяйки и побежать по впалым морщинистым щекам.

– Чего варганишь-то? – Зоя Ивановна бесцеремонно сунула нос в кастрюлю. – Опять кашу геркулесовую... Ладно, Тишка, идём к бабе Зое на ручки.

И Зоя Ивановна так легко подняла на руки сиамского красавца, будто он ровным счётом ничего не весил.

– Спасибо, Фёдоровна, я позже к тебе опять загляну...

Провожать нас хозяйка не стала, и мы, не прощаясь, тихо прикрыли дверь.

...

– Ты, Юлька, глазами-то не лупай! Нормальная Фёдоровна бабка, подружка моя закадычная. Только вот беда – умирает... Рак у Фёдоровны, самой последней стадии. Боли

страшные, аж кожа трещит и по швам разъезжается. На одних обезболивающих живёт... А в больнице уже делать нечего, помирать-то дома охота! Вот теперь и не может ничего носить – ни платья, ни кофты, так и ходит по дому голышом, только фартук при гостях надевает... Говорит – «забери Тишку, чую помру на днях». А на кой мне второй кот в доме? Это же война за территорию! Да и пенсия у меня маленькая – этих бы оглоедов прокормить. Вот я и подумала...

– Вы всё правильно подумали, Зоя Ивановна.

Я погладила кота, и он вдруг взглянул на меня таким долгим, таким по-человечески понимающим пронзительным взглядом, что мне стало не по себе... И столько боли плескалось в этих глазах, что неожиданно для себя я уткнулась в кошачью шерсть и заплакала.

– Ничего, девонька, будем жить. – Зоя Ивановна ласково погладила меня по голове, поспешно открыла ключом дверь в свою квартиру. На пороге дома её уже ждали – кот Лёвка и пёс Артемон.

...

Пашка, как ребёнок, обрадовался появлению кота:

– Красавчик!.. Юлька, где ты его взяла?

– Соседка подарила. – Я неопределённо махнула рукой – мне не хотелось посвящать мужа в подробности. По крайней мере, сейчас...

– Только малохольный он какой-то, – Пашка вертел в руках кота, словно тот был игрушечным.

– Слушай, дай ему время привыкнуть! – я разозлилась на мужа.

– Ладно, ладно, пусть привыкает. Я – что? Ничего не имею против.

И хотя Тихона в дом принесла я, хозяином он выбрал для себя всё-таки Пашку.

Фёдоровну мы похоронили спустя несколько дней.

...

И вновь в Детском доме текучка кадров: вчера уволилась ночная няня, а на прошлой неделе – методист. Каждый из них унёс боль с собой, чтобы постараться начать новую жизнь, без горестей и страданий.

Впрочем, боль – она у всех разная. Вернее, боль одна и та же, только порог чувствительности у всех разный – у кого-то выше, у кого-то – ниже. И неизвестно ещё, который порог лучше...

Не успеваю снять в фойе обувь и переобуться в сменную, как вижу бегущих навстречу Сашку и Димку (так и не научилась отличать их друг от друга дальше расстояния вытянутой руки)

– Юливанна, у нас новенькая!

– Лена Степанова?

– Ага, сидит у себя в комнате, ни с кем не разговаривает.

– Ну, вы же понимаете – ей нужно привыкнуть... Раз уж встретили, тогда помогайте, джентльмены.

Димке отдаю сумочку, Сашке вручаю пальто...

– Юливанна, она и правда, какая-то дикая! – Оля говорит об этом преувеличено громко и даже театрально.

– Оля, может быть, ты не будешь кричать об этом на весь белый свет?

– А что такого? – обижается Оля.

Я осторожно стучусь в комнату к новенькой.

Девочка, обхватив колени руками, словно дикий испуганный зверёк, сидит, забившись в самый дальний угол кровати. Из-под густой и давно не стриженной чёлки на меня глядят серые, в обрамлении густых светлых ресниц, испуганные глаза. Пшеничного цвета густые волосы, без намёка на какую-либо причёску, непослушными прядями ниспадают на худенькие плечи.

– Здравствуй, Лена. Меня зовут Юлия Ивановна.

Лена глядит, не моргая, обхватив колени так сильно, что на руках явственно проступают голубые прожилки вен.

– Ты – из Приволжского? – Я стараюсь придать голосу как можно больше непосредственности и дружелюбия. – Знаешь, я когда-то бывала в Приволжском, правда давно.

В глазах девочки замечаю искру недоверия – ну хоть что-то!

– Не веришь?

Пожимает плечами.

– Ты на какой улице живёшь?

– Переулок Строителей, – шелестит Ленин голосок.

– Вот так совпадение! А я знаю, где этот переулочек. Там неподалёку есть железнодорожный мост.

Лена часто-часто моргает и, наконец, расцепляет кольцо тонких рук.

– А в конце улицы – детский садик, кажется.

– А что вы делали в Приволжском?

– Я приезжала к однокласснице.

– А как фамилия одноклассницы?

– Коновалова... Не знаешь такую?

– Тётя Люба Коновалова! Конечно, знаю, она от нас всего через четыре дома живёт!

– Расскажешь потом про тётю Любу? Я с ней давным-давно не виделась... И про себя – если, конечно, захочешь. А сейчас давай спустимся в столовую, тебе надо покушать.

– Нет, спасибо, мне девочки еду сюда принесли.

Тут я замечаю на тумбочке тарелку с недоеденной кашей и бокал с недопитым какао...

...

Леночка Степанова оказалась самородком чистой пробы: искренняя, не по-детски мудрая, добрая и общительная. Быстрее всех она сошлась с Гулей. И хотя обеим было по двенадцать лет, со стороны казалось, что разница в возрасте составляет не менее двух лет. Высокая, грациозная и смуглая Гуля и миниатюрная, словно Дюймовочка, сероглазая и светловолосая Лена.

Новоявленную подругу Гуля опекала, как могла: в пер-

вые дни буквально за руку водила в столовую, в библиотеку, в туалет; показала, как пользоваться телевизором.

Лена отгаивала буквально на глазах, Лена научилась улыбаться...

Проблема заключалась только в одном – Лене Степановой мы никак не могли придать благопристойный вид: парикмахер заболел, и постричь её было некому. Подходящей одежды также не нашлось, и мы томились в ожидании несколько дней, пока кастелянша, а по совместительству и портниха, подготовит одежду по размеру.

Так и порхала Лена с первого этажа на второй, то и дело поправляя растрепавшиеся волосы, в стареньком, полинявшем свитере и серых джинсах, едва достававших ей до щиколотки.

– Тебя мама как обычно называла?

– Ленкой.

– А как бы тебе хотелось?

– Можно Леной... да, просто – Леной.

– Договорились! У тебя скоро закончится карантин, тебе выдадут школьную форму, но учиться снова придётся в пятом классе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.